

**«Studia z filologii polskiej i słowiańskiej», 5.
Warszawa, 1965**

Сборник выпущен в честь известного польского лингвиста Эд. Штибера, отмечающего тридцатипятилетие своей научной и педагогической деятельности. Эд. Штибер много и плодотворно работает в области фонологии и славянской диалектологии, о чем свидетельствует приведенная библиография его работ, насчитывающая более двухсот названий.

Краткую характеристику научной деятельности Эд. Штибера дает во вступительной статье К. Дейна.

Статьи, представленные в юбилейном сборнике, посвящены самым различным вопросам славянского языкознания. При обозрении их мы остановимся лишь на тех работах, в которых рассматриваются вопросы славянской лексики, диалектологии и словообразования.

Ведущее место принадлежит работам по лингвистической географии.

Сборник открывается статьей Яр. Белича «К вопросу о границах между родственными языками», в ней ставится теоретически важный вопрос о сложном характере языковых явлений в пограничных районах. Автор исходит из высказанного Эд. Штибером положения о том, что при переходе от одной языковой области к другой существует несоответствие между фактами фонетическими и морфологическими и фактами лексического порядка. Это несоответствие выражается, в частности, в том, что в польско-чешской пограничной области при определенных фонетических различиях словарный состав оказывается тождественным. Так, в трех пограничных малопольских деревнях процент лексических совпадений значительно выше, чем в населенных пунктах, принадлежащих к одному и тому же диалектному типу¹.

До сих пор изучение славянских диалектов ограничивалось рассмотрением определенных фонетических и морфологических различий. Яр. Белич указывает на важность изучения лексического состава как в пограничных районах, так и в пределах однородных диалектов. Определение языковых границ предполагает учет исторических условий, влияющих на развитие и распространение тех или иных диалектных явлений.

В небольшой заметке «К изучению польско-южнославянских языковых связей» С. Б. Бернштейн ставит вопрос «о наличии еще в праславянском периоде близких связей тех диалектов, которые лежат в основе лехитской и болгаро-македонской групп» (стр. 33). Большое значение придается балтийским соответствиям, которые, по мысли автора, «могут свидетельствовать о том, что предки болгар и македонцев жили на севере праславянской территории, где они соседствовали с балтийцами и предками поморян и поляков» (стр. 33).

В развитии польско-южнославянских связей автор различает три периода: 1) «древний период, характеризовавшийся наличием лехитско-болгарской языковой области»; 2) «период, связанный с карпатской миграцией славян»; 3) «период, отражающий влияние южнославянских языков в области скотоводческой терминологии» (стр. 36).

Т. Логар («Современное состояние и задачи словенской диалектологии») подводит итоги изучения словенской диалектологии. Послевоенный период характеризуется пристальным вниманием к живой звучащей речи, стремлением наиболее полно и последовательно зафиксировать во возможности все диалектные различия, представленные на небольшой, но в языковом отношении очень расчлененной территории Словении.

За последнее десятилетие обследовано более 250 наречий. Собранное должно найти отражение в словенском диалектологическом атласе. Тщательное изучение живых словенских наречий позволяет уточнить и по-новому осветить некоторые положения, в свое время разработанные Рамовшем. Так,

---

¹ М. К u c a ł a. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.

в свете новых данных предлагается несколько иная классификация нотранских наречий, словенских говоров Истрии, иначе интерпретируются некоторые фонетические явления (ср. горенское ξ и δ). Новые материалы дают возможность более точно определить границы отдельных диалектов (нотранских, Погорья), по-новому объяснить генетические связи некоторых говоров. В этой связи представляется интересным вывод о том, что горенские наречия в древнюю эпоху входили не в юго-восточную группу, а в северо-западную. Заслуживает внимания также замечание о смешанном характере говоров Карста, объединяющих в себе архаичные явления венецианских наречий и более поздние особенности нотранских диалектов.

Т. Логар отмечает, что в ближайшее время предстоит провести обследование говоров Каринтии, Венеции, Порабья, продолжить начатую работу по созданию магнитофонного архива словенских наречий. В качестве основной выдвигается задача составления диалектных словарей, монографий о пограничных наречиях и группах наречий. Итогом всей этой сложной многосторонней работы должно явиться создание новой диалектологии, которая представит словенские наречия в структурно-фонологическом плане с учетом их исторических истоков.

Вопрос о неоднородной диалектной основе полабского языка затрагивает К. Полянский («Проблема диалектных различий в полабском языке»). Применительно к полабскому языку, представленному очень скудными лексикографическими материалами (несколько небольших словарей и фрагменты текстов), не может быть и речи о диалектологии в полном смысле этого слова. Фрагментарность полабских записей исключает возможность установления диалектных различий в области словаря и грамматических флексий. Наличие того или иного явления у одного писца и отсутствие его у другого не может свидетельствовать о диалектных различиях именно в силу неполноты имеющегося материала.

По мнению К. Полянского, наибольшие возможности для изучения диалектных различий полабского языка дает фонетическая сторона письменных источников. Полабское письмо показывает, что, кроме чисто графических различий (например, полаб. t' передается как tj , ty и как $tsch$, tch и т. п.), существуют и такие особенности, которые можно рассматривать как отражение фонетических явлений. Исследуя типы реализации гласных u , o , δ , $\ddot{u}$, e , ξ , — слогового плавного $\frac{1}{2}$ в различных лексикографических источниках, К. Полянский делает вывод о неоднородности их в языковом отношении и предполагает существование по меньшей мере трех диалектов. Автор отмечает определенную языковую близость словаря Хеннига и памятника мадам де Бокёр, с одной стороны, и словаря Пфеффингера и *Vocabularium Vandalicum* — с другой. Говор Парум Шульце занимает промежуточное положение. Одни черты объединяют его с тем диалектом, который лежит в основе словаря Пфеффингера (развитие $*u > ai$), другие сближают его с диалектом Хеннига (монофонгический рефлекс первоначального $*o$).

Все эти наблюдения К. Полянского существенно обогащают наше представление о полабском языке.

Ряд небольших заметок посвящен характеристике отдельных говоров. Так, с точки зрения количественных характеристик дается дифференциация наречий Ганацкой области Й. Скулины. Некоторые фонетические особенности украинского говора деревни Бишча под Билгораем устанавливает В. Курашкевич. Й. Хитима, исследуя один из польских говоров на территории Румынии, отмечает сохранение в нем фонетических и лексических особенностей малопольских наречий.

Диалектологический аспект присутствует и в тех работах, которые рассматривают те или иные фонологические явления в славянских языках. Не имея возможности подробно останавливаться на всех работах этого рода, мы коротко отметим лишь некоторые из них.

Это прежде всего небольшая, но очень интересная статья Ф. Славского «Праславянское $j\bar{y}$ - в южнославянских языках». Автор вносит некоторые коррективы в принятое деление славянской языковой области по отражению $j\bar{y}$ -

Анализируя материал южнославянских языков, он показывает, что развитие *ǰ*- в сильной и слабой позиции сближает словенский язык и чакавский диалект сербохорватского языка с языками северной группы.

Безусловного внимания заслуживает предлагаемая Г. Шевелевым интерпретация слав. *ě* («Два замечания о славянском *ě*»). Наряду с обычной палатализацией шумных согласных перед *ě* (с переходом *ě* > *a*) автор предполагает существование в славянских языках дополнительной, так называемой аффрикативной, палатализации при условии, если в неславянских языках индоевропейской области представлены соответствия со ступенью *ā*, а не *ē*. По мысли Г. Шевелева, эта палатализация проявляется в словах, характеризующихся особой эмоциональной окраской. Ср. польск. *żaba*— др.-пруск. *gabavo* 'жаба', англос. *quappa*, может быть, также лат. *būfō*. Здесь предполагается аффрикативная палатализация типа словц. *d'alekŷ*— польск. *daleki*, ю.-русс. *dǰŷŷij*—польск. *duży*, укр. *dūžyi* и др. Гипотеза Г. Шевелева представляется интересной и вполне вероятной.

Значительная часть работ посвящена славянской лексике, вопросам заимствования, развития и происхождения отдельных слов.

В плане происхождения и последующего развития рассматривает покойный В. Махек слав. *bŏdŏ* («Слав. *bŏdŏ*, вспомогательный глагол при образовании аналитических форм будущего времени»). Он отвергает мысль о родстве *bŏdŏ* с индоевропейским глаголом *bhū— 'wachsen, sein' на том основании, что праславянская система не знает корней, структура которых характеризовалась бы наличием сочетания инфикс + глагольный суффикс *-d(h)*-. В. Махек сближает слав. *bŏdŏ* с и.-е. **beudh-* (лит. *budėti*, слав. *bŏděti*), наиболее точным соответствием является лит. *bundū*. Семантический анализ группы родственных слов, объединяемых общим корнем, позволяет реконструировать некоторое исходное значение для *bŏdŏ* — 'im Sinne habe', 'habe die Absicht'. Со временем инфигированное *bŏdŏ* утратило связь с системой инфинитивных форм; семантика способствовала использованию его в качестве вспомогательного глагола.

По мнению В. Махка, слав. *bŏdŏ* входит в группу родственных слов, объединяющую: 1) ст.-слав. *bl'udŏ—bl'usti*; 2) др.-чеш. *po-bdieti*; 3) др.-русс. *nabŷŷu—nabŷŷěti*; 4) ст.-слав. *za-bŏdŏ—zabyti*; 5) ст.-слав. *bŷdrŷ*.

Подробно анализирует происхождение и семантику польск. *obdza*, русск. *obŷa* Г. Турска. На основании исторических данных, а также данных лингвистической географии Г. Турска устанавливает первичный характер польск. *obdza*, засвидетельствованного на севере Польши уже в XV в. Представленная в польском форма *obza* считается инновацией. Рассматривая происхождение этого слова, автор последовательно обосновывает справедливость выдвинутой еще Й. Миккола этимологии *obŷa* < праслав. **ǰŷg-* 'łączyć, sprzegać'.

Ст. Урбанчик («Польское *trŏjca* и славянские существительные, образованные от количественных числительных»), анализируя сферу распространения существительных на *-ica*, *-ca*, образованных от числительных, отмечает, что эти образования наиболее продуктивны в южной группе славянских языков. В польском, чешском, русском эти формы единичны. Исследуемое польск. *trŏjca*, по мнению автора, в качестве религиозного термина пришло из чешского языка.

Религиозная терминология в славянских языках — церковнославянского происхождения.

Ст. Бонк («Мазовецкие названия в сельском строительстве в районе Сандомирской Пущи») отмечает влияние мазовецких наречий в области строительной терминологии в верховьях Вислы и Сана, в частности в районе Сандомирской Пущи, входящей в состав Малой Польши. Мазовецкими по происхождению признаются такие малопольские образования, как *suńec*, *podwalina*, *osap*, *mirowanka*, *ŷtyndary* и др. Анализ строительной лексики показывает, что влияние мазовецких наречий осуществлялось давно и в течение длительного времени.

Р. Коларич («Действительно ли Фрейзингенские листы являются старославянскими?») возвращается к вопросу, неоднократно поднимаемому в лингвистической литературе, о языковой основе Фрейзингенских листов. Р. Коларич полемизирует с А. Исаченко, отстаивающим церковнославянский характер этого памятника. Наибольшие сомнения вызывает лексика II Фрейзингенского листа. По мнению А. Исаченко, для 55 слов (14% всех слов) этой части памятника отсутствуют соответствия в словенском языке. Р. Коларич подробно анализирует эту лексику и довольно убедительно показывает словенское происхождение 20 лексем из 55. Он считает, что Фрейзингенские листы хранят следы оглейского говора юго-западной части Словении.

Х. Поповска-Таборска избрала предметом своего изучения географические названия нижнелужицких деревень на правом берегу Нисы в районе Мужакова. Обычно их ставят в непосредственную связь с поздней германизацией этой области. Приведенный материал, интерпретируемый в свете определенных фонетических закономерностей, а также предполагаемые соответствия свидетельствуют в пользу нижнелужицкого происхождения этих названий. Нижнелужицкий диалект, засвидетельствованный на этой территории, является переходным: рядом черт он связан с польскими говорами, определенная лексическая связь прослеживается с югом верхнелужицкого языка.

Э. Эйхлер («Замечания о словарном составе древнелужицкого языка») отмечает, что для восстановления словарного состава лужицких языков первостепенное значение имеют три вида источников: 1) богатый в лексическом отношении и достаточно хорошо обработанный материал, представляемый ономастикой; 2) заимствования и реликтовые формы, сохранившиеся на немецко-лужицкой территории; 3) язык грамот, различных документов, относящихся к IX—XVI вв. Автор акцентирует внимание на значении третьего вида источников. Конкретному анализу подлежат 13 слов, извлеченных из различных грамот: *cviĵ* 'Tischkessel', *hul* 'Bienenstock', *ĵěz* 'Fischzaun', *korċma* 'Schenke' и др.

В. Ташицкий показывает значение топонимики для реконструкции некоторых форм, утраченных языком. Со времени Добровского известно, что западнославянской форме *ptak* в южных и восточнославянских языках соответствует *ptica*. На основе анализа польского топонимического материала В. Ташицкий предполагает для них разные исходные формы. Это предположение вытекает, по мысли автора, из некоторых существующих в языке отношений, построенных на родовом противопоставлении производящих основ: ср. *Pcin* : *Ptowo-Wronin* : *Wronowo*, производных от основы женского рода с помощью суффикса *-in* и от основы мужского рода посредством суффикса *-owo*. Реконструируемое отношение **pъta* : **pъtъ* стоит в одном ряду с праслав. **korva—korvъ*, *kura—kurъ* и др. В. Ташицкий предполагает следующие деривативные отношения: **pъta* > **pъtica*, ср. польск. *Pcin*, **pъtъ* > **pъtakъ*, ср. польск. *Ptowo*. На основании топонимических материалов автор довольно удачно восстанавливает промежуточные формы для некоторых производных образований и предлагает следующие два ряда параллельных родственных форм:

<i>ptach</i> (* <i>ptasz</i>)	<i>ptak</i>
<i>ptaszek</i>	<i>ptaczek</i>
<i>ptastwo</i>	<i>ptactwo</i>
<i>ptaszmiĳ</i>	топ. <i>Ptacznik</i>
<i>ptasi</i> (<i>ptaszy</i>)	<i>ptaczy</i>

Как видим, привлечение данных топонимики проясняет историю отдельных слов, служит важным подспорьем в этимологических исследованиях.

Вопросы кашубской лексики в центре внимания Ф. Хинце. Он указывает на важность работ Карла Готтлоба фон Антона для изучения словаря кашубского языка. Особенную ценность для кашубской лексикографии представляет та часть рукописного наследия, в которой приводятся польско-кашубско-не-

мецкие соответствия. Эти соответствия позволяют сделать некоторые выводы фонетического, культурно-исторического характера, полнее определить лексический состав кашубского языка.

Х. Бильфельдт («Русские слова в нижненемецком») рассматривает пути проникновения русских слов в нижненемецкий язык.

Некоторые работы затрагивают вопросы словообразования.

Интересна статья А. Зарембы об образованиях с суффиксом *-ula* в некоторой части польско-чешско-словацкой языковой области. А. Заремба очерчивает ареал распространения этого суффикса и определяет его как формант женского рода. Он считает наиболее вероятным предположение о древнем характере этого суффикса.

Я. Сафаревич исследует польские глаголы на *-kać*. Формант *-k-* служит в основном для образования экспрессивных и ономастопозитических глаголов. Образования этого типа представлены в латинском, греческом, балтийских языках. Всем ходом исследования Я. Сафаревич показывает, что формирование этих глаголов относится к эпохе самостоятельного развития отдельных языков.

Нельзя пройти мимо интересной гипотезы Е. Куриловича, согласно которой славянские основы глаголов IV класса на *-ěti* по своему происхождению связаны с медиопассивными формами индоевропейского перфекта. Следы медиопассива усматривает Т. Лер-Сплавинский в системе славянских окончаний настоящего времени.

Как видим, сборник содержит довольно обширный материал по самым различным вопросам славянской диалектологии, этимологии, словообразованию и представляет несомненный интерес для славистов.

Л. В. Куркина

G. Devoto. *Origini indeuropee.* Firenze, 1962, 521 стр.

Современная индоевропеистика включает в себя столь разнообразные по направлению и различные по методике исследования в области сравнительной грамматики и лингвистической палеонтологии, что уже давно ощущается необходимость в сводке надежных лингвистических данных в сопоставлении с результатами внелингвистических дисциплин, исследующих индоевропейскую проблему (прежде всего археологии). Дать подобную сводную работу — такую задачу поставил перед собой известный исследователь древних индоевропейских языков Италии Джакомо Девото в своем большом новом труде «*Origini indeuropee*».

В первой главе книги автор кратко рассматривает собственно лингвистический аспект проблемы — материальные и методологические основания индоевропейской реконструкции. Наиболее надежной автор считает «ближнюю», т. е. традиционную, индоевропейскую реконструкцию и опирается на нее в дальнейшем изложении¹. Он относится довольно скептически к большому числу попыток восстановления более древнего индоевропейского состояния на основании стратификации индоевропейского материала (Хирт, Курилович, Бенвенист и др.), признавая, впрочем, что такие попытки «свидетельствуют о высокой степени комбинаторных возможностей человеческого ума в приложении к языковым данным». Остановившись на методологических аспектах реконструкции, Девото справедливо указывает, что необходимость принять понятие «единого праязыка» (несмотря на многочисленные возражения, ко-

¹ Так, в частности, он воздерживается от реконструкции ларингальных, что едва ли достаточно оправдано. Более существенным недостатком реконструкции автора является, на наш взгляд, неразличение рядов палатализованных и веларных задненёбных.